

Т.А. Семилет

## Этнокультурная обусловленность социологического знания

Возможно ли в социогуманитарной сфере существование общечеловеческой идеи, концепции или науки в «чистом» общечеловеческом виде без этнокультурной адаптированности, своеобразия, без специфических для каждого народа «уклонов», интерпретаций, акцентировок, своего угла зрения? История развития социального и гуманитарного знания дает на этот вопрос отрицательный ответ. Даже христианство приобрело конфессиональное своеобразие у разных народов. Еще апостол Павел в послании к коринфянам писал: «Умоляю вас, братья, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы вы все говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях. Ибо от домашних Хлоинных сделалось мне известным о вас, братья мои, что между вами есть споры. Я разумею то, что у вас говорят: «я Павлов»; «я Аполлосов»; «я Кифин»; «а я Христов». Разве разделился Христос? разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились?» (I Коринф. 1, 10–13). От апостола не укрылся тот факт, что истина вселенская усваивается разными народами по-своему, а в дальнейшем мы видим христианство католическое, христианство православное, христианство протестантское (Петрово, Иоаново, Павлово).

Такая же диалектика общечеловеческого и национального характера и для науки. Социология – явление прежде всего европейское (в широком, культурологическом значении этого слова) и проявляется в трех ликах, трех культурно-региональных и культурно-этнических формах: социология западноевропейская, американская и российская. Отчего происходит такое разделение, такая объективная спецификация?

Общенародное – это не значит безнародное, безнациональное. В общекультурном процессе у каждого народа – свой лик, в культурном диалоге – свой голос, и его духовная особенность – национальная и культурная – вносит свой вклад в культуру человечества. По выражению нашего отечественного мыслителя, «народность, национальность суть органы человечества, посредством которых заключающаяся в нем идея достигает, в пространстве и во времени, возможного разнообразия, возможной многосторонности осуществления [1, с. 222].

В отношении каждого народа можно поставить вопросы, сформулированные нашими отечественными мыслителями В. Соловьевым, Н. Данилевским, Н. Бердяевым:

– какова та идея, которую данный народ открывает?

– каков идеальный принцип, одушевляющий это социальное тело?

– что предназначено этому народу сделать в истории человечества?

– какое новое слово скажет этот народ в истории?

– в чем же его всемирное (созидательное или разрушительное) предназначение?

Религиозные мыслители определяли предназначение и призвание как некое нравственное задание Бога моральной личности – нации. «Призвание, или та особая идея, которую мысль Бога полагает для каждого морального существа – индивида или нации – и которая открывается сознанию этого существа как его верховный долг, – эта идея действует во всех случаях как реальная мощь, она определяет во всех случаях бытие морального существа, но делает это двумя противоположными способами: она проявляется как закон жизни, когда долг выполнен, и как закон смерти, когда это не имеет места. Моральное существо никогда не может освободиться от власти божественной идеи, являющейся смыслом его бытия, но от него самого зависит носить ее в сердце своем или в судьбах своих как благословение или как проклятие», – пишет В. Соловьев [2, с. 313]. Да, каждая нация богоизбрана, каждой дан харизматический дар, у каждой – свое призвание, свои задачи и предназначение.

Тайна «промысла Божьего» о том или ином народе, призвание и предопределение последнего приоткрываются в его специфическом складе ума, чувств и воли, в национальном характере, в духе народа, в его национальном менталитете. Этим по-разному определяемым понятием выражается особенный умственный, психический и нравственный строй этноса, сложившийся под воздействием исторических условий развития народа и наследуемый от поколения к поколению. Эта определенная психическая и интеллектуальная склонность, заданность, равно как и ориентированность на те или иные ценности проявляется как социальный генетический код общности и воспроизводится с устойчивостью физических расовых признаков.

Отдельный человек и народ в целом не могут произвольно изменить менталитет, не могут и победить его: подавление определенных сущностных для народа черт, противоречие им может привести лишь к тому, что они проявятся, «вылезут» в другом месте, в искривленном виде или отрицательном значении. Менталитет – живая, действующая, функционирующая структура духа. Он накладывает свой отпечаток на все сферы человеческой

жизни, проявляется в хозяйственной, политической, правовой, нравственной, религиозной, художественной и научной деятельности.

«Наука наравне с прочими сторонами цивилизации необходимо должна носить на себе печать национальности, несмотря на то, что в научном отношении влияние народа на народ и влияние прошедшего на настоящее сильнее, чем в прочих сторонах культурно-исторической жизни», – читаем мы совершенно справедливое замечание Н. Данилевского и полностью разделяем его аргументацию этого тезиса: «Причины эти суть: 1) предпочтение, оказываемое разными народами разным отраслям знания; 2) естественная односторонность способностей и мировоззрения, отличающая каждый народ и заставляющая его смотреть на действительность со своей особой точки зрения; 3) некоторая примесь субъективных индивидуальных особенностей к объективной истине, – особенностей, которые (как и все прочие нравственные качества и свойства) не случайно и безразлично разделены между всеми людьми, а сгруппированы по народностям и в своей совокупности составляют то, что мы называем народным характером» [1, с. 135].

Социология – составная часть духовной жизни народа, и она с неизбежностью несет печать общих черт менталитета, типических свойств мыслительного и душевного строя этноса или суперэтноса, тех «исторических индивидуальностей», которые являются субъектами и носителями культуры.

Каковы же особенности русской научной социогуманитарной мысли? Эта проблема достаточно широко обсуждалась русскими мыслителями XIX–начала XX в. Общий знаменатель их суждений можно сформулировать следующим образом: она не такая, как в Европе, отлична от нее и даже противоположна по качественным характеристикам. Наиболее часто отмечаются такие ее черты, как сознательное преодоление западноевропейской «рационалистической рассеченности» целостной религиозной философией как высшей органической формой мудрости жизни, ее знания, видения, понимания; мистицизм, интуитивизм, символизм, религиозная основа, слитность, недифференцированность «цельного знания» и «цельного творчества», ярко выраженная нравственная доминанта религиозно-философских систем и всех рассматриваемых в них вопросов; поиск абсолютных, конечных оснований всего сущего.

С точки зрения характерных особенностей европейская социология – рационалистическая, теоретическая, фундаментальная; американская – прагматичная, утилитаристская, эмпирическая, технологичная. А какова же российская социология?

Возникла она под сильным, определяющим влиянием западной социологии, что совершенно закономерно, и развивалась в рамках двух теоретико-методологических тенденций – натурализма и субъективизма. К началу XX в. в ней сформировался весь спектр социологических направлений. В первой четверти XX в. (третий этап развития российской социологии по общепринятой периодизации) явно просматриваются парадигмальная дифференциация и поляризация направлений. Одну крайнюю позицию представляет неопозитивизм с его эмпиризмом, рационализмом, бихевиоризмом, однозначной «посюсторонностью» и приземленностью, прагматически-утилитаристской направленностью. Другой полюс – новохристианская социология с синтезом разума и веры, соотносением действительности с религиозными метафизическими ценностями, нравственной доминантой, символизмом. Между ними – марксизм, сочетающий позитивистский натурализм с провиденциализмом, и русское неокантианство, сочетающее бихевиоризм с нормативизмом, априоризмом, методом типизации.

А между тем, несмотря на столь большую значимость и влияние идей русского религиозного ренессанса в исследованиях и учебных пособиях по истории российской социологии, как правило, не выделяется социология новохристианства. Или если выделяется, то не называется таковой. В коллективной монографии (1978) «Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX–начала XX века» под редакцией Б.А. Чагина глава, посвященная мыслителям этого направления, называется «Философия истории русского религиозного идеализма». В учебном пособии Е.И. Кукушкиной «Русская социология XIX–начала XX века» (1993) в разделе «Направления русской социологической мысли» выделена глава «Религиозная философия». Другие исследования и пособия по российской социологии вообще не включают в сферу своего рассмотрения идеи представителей русского религиозного ренессанса. Такое положение вещей можно объяснить двумя причинами: представлением о том, что религия и социология (вернее, теология и социология) – вещи несовместимые; и, во-вторых, тем, что в произведениях представителей русского неохристианства философия, социология, художественная литература, эстетика, публицистика и богословие существуют слитно, и собственно социология в этом синкретизме как самостоятельная область самими мыслителями не выделяется. Но значит ли это, что в их учениях социологии нет?

Представители русского религиозного ренессанса – не просто богословы, это интеллектуалы, про-

шедшие через рационализм, позитивизм, нигилизм, марксизм и повернувшие в сторону религиозно-идеалистического мировоззрения. Это их сознательный выбор, результат поиска подлинной методологии миропостижения и социального познания.

Они преодолевают чуждые русскому духу, его строю направления восхождением к высшей органической форме знания – мудрости. Представители русского религиозного ренессанса исходят из положения, что истина открывается человеку не как отвлеченно мыслящему субъекту, а как духовной цельной личности. Они – апологеты и носители ментальности «положительного всеединства», основанной на синтезе знания и веры, рационализма и интуитивизма, натурализма и символизма. И очевидно, что на этом пути будет создана собственно российская социология как действенное и адекватное социокультурным условиям и национальным особенностям научной мысли орудие сканирования, диагностирования общественного состояния, его рецептуры и прогностики.

Это полноценная и полноправная социология, самостоятельное и ведущее направление в русской социологической мысли. В.М. Зверев в коллективной монографии (1978) отмечал: «“Обновленческая” историософия и социософия русских “светских богословов” рассматривается сегодня рядом мыслителей Запада как величайшая духовная ценность, ей давно присвоен ранг первенства в истории общественной мысли в России» [3, с. 307].

Представляется, что настало время признать этот ранг и у нас в стране и прежде всего в системе социального образования. Ведь в силу исторических условий развитие российской социологии было прервано, и сейчас она возрождается на чужой, западной основе. Но если какая-то идея или реформа соответствуют менталитету общества, они воплощаются быстро и безболезненно, как бы естественно «врастают» в общественную жизнь или «произрастают» из нее, а не конструируются или насаждаются искусственно. Если же идея или реформа противоречат ментальным ориентациям общества, то они обречены на провал, на искажение и деформацию до неузнаваемости или полной своей противоположности.

Не в этом ли секрет «сизифовой» модели социокультурного развития России? Не оттого ли оно регулярно прерывается и каждый раз начинается с нуля, что живое социальное тело, выросшее на своей почве и приспособленное к ней, безжалостно кромсается и уродуется для того только, чтобы быть втиснутым в логически стройную и рационально целесообразную схему, перенесенную с чужой почвы, где она показала свою социально-организационную эффективность?

Верные парадигмальные основания социально-

теоретических построений и социально-практических преобразований должны отражать уклад и строй народного духа, его направленность и устремленность, специфику его понятий, образов и ценностей. Кто же уловит, выразит и предложит эти адекватные, соответствующие России и духу ее народа парадигмальные основания социального познания, пути и способы социальной реорганизации? Ответ очевиден – духовная элита общества. Но специфика нашего социокультурного развития обусловила двойственный источник формирования российской интеллигенции: собственно российские культурные традиции и европейская культура, философия. Русская духовная элита получала западноевропейское образование, усваивала строй мыслей, понятийный аппарат и исследовательский инструментарий, выработанные чужой культурой, соответствующие другому менталитету и другим культурным основаниям. И уже в рамках, заданных образованием, в сформированных мыслительных матрицах осуществляла свои научные построения. Этим во многом определяются противоречивость и непоследовательность развития России.

«Свое-чужое» – извечное проблемное поле поиска русской интеллигенции, перманентно воспроизводящая гносеологическая и онтологическая оппозиция, свидетельствующая о перманентности кризиса социокультурной аутентичности и самоидентификации. Этим определяется поиск русской идеи, Промысла Божьего о России, «формулы прогресса», путей реформирования и направленности российского развития.

Столкновение почвенничества и западничества, отстаивание своего, естественного, по жизни сложившегося или же общеевропейского, искусственно сконструированного определяют историю России на всем ее протяжении. Это две социальные парадигмы реформирования России: рационалистическая, механическая формовка, с одной стороны, и ценностно-гуманистическое «выращивание кристалла», с другой. В их рамках решаются два кардинальных вопроса.

Первый – это вопрос о цели и средствах. Рациональное хозяйство, бытовой комфорт, позитивное право, «организованная техника жизни» (выражение Н. Бердяева), схема идеально отлаженного устройства жизни – это цель или средство? И следует ли добиваться их осуществления путем обездоливания, унижения, принуждения большинства населения, и оправдано ли безжалостное разрушение наличных форм социального бытия? Еще в начале века С. Франк высказал свое мнение (с которым трудно не согласиться) в отношении морально-общественного идеализма: «...как ни несовершенна реальная жизнь ...она имеет уже то

огромное, безмерное преимущество перед всяким отвлеченным идеалом жизни, что она как-то уж фактически сложилась, органически выросла, приспособилась к реальной человеческой природе и выражает ее, идеал же есть только то, что должно быть, что предписано к осуществлению, но что не имеет реальных корней в самой жизни и ради чего реальная жизнь разрушается и калечится» [4, с. 159].

Второй не менее существенный вопрос – о социальной организации: она, эта организация, суть механизм или организм? И это вопрос не только умозрительный, но и прагматический, в нем проявляется смысл противостояния и борьбы сторонников двух моделей реформирования современной России.

Если социальная организация – это механизм, то можно взять готовые детали и агрегаты, выработанные западной цивилизацией, в частности, рынок, правовую систему, стратификационную и управленческую модели и «запустить» их в России, «переналадив» тем самым ее социальную организацию.

Если же социальная организация рассматривается и понимается как организм, живое социальное тело, вырастающее из собственных неповторимых оснований и развивающееся по законам своей уникальной целесообразности, то и хозяйственный уклад, и право, и вся формальная организационная техника должны строиться как выражение, проявление и развертывание народного духа, его кристаллизация.

В этом отношении российские западники не

правы, а почвенники правы, так как исходят из необходимости адекватного понимания менталитета каждого народа, каждой нации, их особенностей, предрасположенностей и призвания.

Свое призвание легко не угадать или пренебречь им и утратить самобытность, сущностную определенность, потеряв тем самым субъектность социального и культурного творчества, обратившись в плохую репродукцию чужого оригинала, в подражателей, обреченных на вечное «догоняющее» развитие, на бесплодное и бессильное существование.

Успешное органическое реформирование возможно лишь в том случае, когда социальные формы являются онтологизацией исходных духовных ценностей, их проявлением и воплощением, когда они не вступают в противоречие с менталитетом общества, а соответствуют его сущностной направленности. Для этого необходимо инструментарий и сценарии общественной реорганизации разрабатывать на адекватной теоретической базе исходя из аутентичных социологических оснований, максимально развивая свою исконную социологическую традицию, в частности, идеи русского религиозного ренессанса, так как именно в нем, в неохристианстве рубежа веков, выражаются национальная и регионально-культурная специфика российской социологии, своеобразие внутреннего строения русского социально-гуманитарного мышления, в этой социологии реализуется исконно русский тип ментальности «цельного знания» и «цельного творчества», основанный на органической полноте духа.

## Литература

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
2. Соловьев В.С. Русская идея // Россия глазами русского. М., 1991.
3. Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX-начала XX века. Л., 1978.
4. Франк С.Л. Сочинения. М., 1990.